



«Самый впечатляющий шведский детектив
после ухода Стига Ларссона!»

Svensk Nyheter

«Смешайте в нужной пропорции
«Девушку с татуировкой дракона»
и «50 оттенков серого» —

и наслаждайтесь вкусом нежности и боли!»

Böcker för alla

«Что бы ни говорили ханжи,
этот роман не о пороке, а о безднах любви».

Uppsala Expressen

КРАСНЫЙ цвет боли

«В этом романе Стокгольм — не просто место преступления,
но третья сторона «любовного треугольника».

Такого Стокгольма — города греха, чувственности
и неистовых страстей — шведская литература еще не знала!»

Öppna TV Stockholm

ЭВА ХАНСЕН

Цвет боли

Эва Хансен

Цвет боли: красный

«Яуза»

2013

Хансен Э.

Цвет боли: красный / Э. Хансен — «Яуза», 2013 — (Цвет боли)

ISBN 978-5-699-63213-8

«Самый впечатляющий шведский детектив после ухода Стига Ларссона!»Svensk Nyheter«Что бы ни говорили ханжи, этот роман не о пороке, а о безднах любви».Uppsala Expressen«Смешайте в нужной пропорции «Девушку с татуировкой дракона» и «50 оттенков серого» – и наслаждайтесь вкусом нежности и боли!»Böcker för alla«В этом романе Стокгольм – не просто место преступления, но третья сторона «любовного треугольника». Такого Стокгольма – города греха, чувственности и неистовых страстей – шведская литература еще не знала!»Öppna TV Stockholm«Пугающе откровенный, восхитительно чувственный эротический детектив!»Svenska magasin för kvinnorВсе шведские газеты трубят о серии загадочных убийств девушек, отличавшихся при жизни не самым праведным поведением. Подозрение падает на Ларса Юханссона – молодого эксцентричного миллионера, известного в узких кругах своими «особыми» эротическими пристрастиями. Юная журналистка, проникнув «под прикрытием» в закрытый для посторонних глаз мир БДСМ, вскоре с ужасом осознает, что без ума от подозреваемого – ее неудержимо влечет к нему, словно бабочку на огонь...

ISBN 978-5-699-63213-8

© Хансен Э., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Розовый	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эва Хансен

Цвет боли: красный

© Эва Хансен, 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается А.К., без которого эта книга не состоялась бы.

Этот месяц не просто перевернул мою жизнь, он заставил меня изменить все представления о себе самой. В четыре недели вместились столько надежды и страха, радости и ужаса, счастья и боли... Боли всех цветов и оттенков от простой физической до тяжелейшей душевной. Но что бы я не испытала, я ни на миг не пожалела о том, что произошло, потому что без этой боли не было бы самого большого счастья.

А начиналось все так обычно...

Розовый

– Бритт! Бри-итт! – завязывая кроссовки, я зову подругу вовсе не для того, чтобы она составила мне компанию. Это нечто вроде первого звонка будильника. Когда вернусь с пробежки, последует второй, и только потом запах свежесваренного кофе поднимет Бритт с постели.

Из комнаты подруги доносится мычание:

– У-у...

– Я побежала.

– Угу...

Подруга делает вид, что простужена, а потому сегодня осталась дома, хотя это не редкость. Бритт частенько изыскивает поводы не бегать по утрам, не потому что ленива, а потому что патологическая сова, для нее встать раньше девяти такое мучение. Испорченное из-за подъема в семь утра настроение не улучшит потом ничто, даже шведский шоколад, который Бритт готова есть килограммами.

Конечно, у нее есть оправдание, причем вполне логичное – Бритт американка, хотя сама себя считает шведкой. Об Америке она вспоминает, когда надо объяснить ночные бодрствования и дневной сон:

– В Америке еще ночь.

Или:

– В Америке еще не рассвело.

Хотя за столько месяцев учебы в Стокгольме можно бы и перевести свои биологические часы.

Выбежав из дома, я решительно поворачиваю в сторону Мастер-Микаэльс-гата. Это уже ритуал: в одиночку всегда отправляюсь к Фьелльгатан, Бритт же подавай прямо противоположный маршрут – к Рынку и Арке Боффиля, там, видите ли, условия лучше и освещенность тоже. А мне нравится пару раз сбежать по Лестнице Последнего Гроша, но не только потому, что лестница сама по себе хороша для тренировки мышц, просто я обожаю остров Сёдермальм, а именно район СоФо (Сёдер южнее Фолькункагатана – для тех, кому весь Стокгольм за пределами Гамла Стана это «где-то там»), что бы там о нем не говорили. А еще маленькие, почти деревенские домики возле Катарина-чюрки и сады на Фьелльгатан. Почему? Не знаю сама.

Конечно, СоФо не всегда был приятным районом. Мастер Микаэльс, чьим именем названа крошечная площадь, например, просто стокгольмский палач, а на месте очаровательной Норска-чюрка (Норвежской церкви) некогда стояла огромная виселица, на которой казненные болтались, как пальто в гардеробе – рядами. И Хэккельфьелль недаром называли Чертовой горой, по поверьям именно здесь собирались ведьмы перед своим пролетом над городом на шабаш на горе Блокулла. Этого никто не видел своими глазами, но все в это верили. Лучшим способом расквитаться с приглянувшейся мужу соседкой было заявление, что та в полночь торопилась на Хэккельфьелль, правда, могли поинтересоваться, что сама делала в такой неурочный час на улице...

Это все в прошлом, ведьмы теперь ездят на «Саабах» или метро, Катарина-чюрку в очередной раз восстановили после пожара, но очарование древности и деревенского местечка осталось. Небольшие деревянные дома с садами за крашеными заборами и даже с водой из колонок – сколько мегаполисов могут таким похвастать? Мне почему-то кажется, что именно уголок СоФо залог живучести Стокгольма.

Когда моя ехидная сводная сестра, для которой Стокгольм это Норрмальм и Эстермальм, напоминала о мрачном прошлом некоторых местечек СоФо, я в ответ фыркала:

– Давно ли на месте твоего обожаемого Берцелий-парка была лужа, называвшаяся, между прочим, Каттхавет. Не знаешь почему?

Тереза лишь картинно пожимала плечами, и я с удовольствием отвечала сама:

– Потому что туда весь город свозил котят – топить! Поищи под кустиками, кошачьих косточек небось немало.

Выросшая в центре Норрмальма я, учась в университете, уже выбрала для собственного жилья другой конец города – СоФо, о котором насмешливо говорят, что в нем все такие независимые, что похожи друг на дружку, как две капли воды.

Это неправда, потому что жители СоФо вовсе не похожи. А то, что иногда одеваются словно под копирку, так это от слишком большого желания выглядеть стокгольмцами, ведь в СоФо частенько собираются провинциалы, жаждущие вкусить прелестей столичной жизни. Это быстро проходит, зато именно оттуда выходят гении дизайна.

Размышляя о жителях СоФо, я пробежала мимо красивой Норска-чюрки и направилась к любимой Лестнице. В этом районе туристы редки, их привлекает Гамла Стан, а если на этом берегу, то предпочитают Сёдермальмсторг (смешно, сейчас требуют вернуть ей старое название – Рюсгарден, «Русское подворье») возле Слюссена, центральную Йотгатан с Рынком и массой магазинов, а теперь вот еще обожаемую Стигом Ларссоном площадь Марияторьет и Санкт-Паульсгатан. Вокруг фонтана Рыбалки Тора отныне толпы экскурсантов, разинув рты, слушают, как замечательно жилось героям ларссоновского «Миллениума».

Конечно, замечательно, что простой журналист смог себе позволить апартаменты в этом месте. Но несоответствие никого не волнует, как и отсутствие реального адреса у крыши Карлсона. Гиды почему-то решили, что Карлсон жил в красном домике напротив скульптуры Георгия со змием на Купеческой улице, и даже автор не сумела никого в этом переубедить. Шведам все равно, они Карлсона не очень любят. Да и за что любить? Бездельник, лентяй и обжора. Ну и Микаэль Блумквист пусть живет в пентхаусе на Бельмансгатане, если этого так хотелось Стигу Ларссону. Меня никогда не притягивало то, что любят толпами, кажется, что это не любовь и даже не интерес, а просто желание «отметиться», мол, и я здесь был.

А туристы прилежно фотографируют крышу красного дома у Георгия со змием и пентхаус Бельмансгатан № 1, лестницу в Ратуше, по которой спускаются нобелевские лауреаты (интересно, хоть кто-то из этих организованных фотографов в действительности представляет себя в качестве лауреата, как советуют экскурсоводы?). Обязательно смену караула у Королевского дворца... И еще ресторан-клуб «Ривал», принадлежащий в том числе Бенни Андерсону, с балкона которого «АВБА» и звезды Голливуда приветствовали после съемок «Мamma mia» визжащую от восторга толпу. Пусть, шведы народ терпимый и терпеливый...

Лестницу Последнего Гроша не фотографируют. И слава богу!

Несмотря на свежий утренний воздух, спешившая по пустой улице женщина бодрой себя не чувствовала, напротив, отчаянно боролась со сном. Ничего, до дома два шага, даже души решила не принимать, сразу завалиться спать. В единственный выходной Карин только и делала, что отсыпалась за всю неделю.

Дверь в дом придержала, чтобы та не грохнула, пусть остальные тоже поспят.

– Эй! – на своем этаже Карин обратила внимание на слегка приоткрытую дверь соседской квартиры. – Кайса, ты дома?

Из-за двери никто не отозвался, кажется, в комнате работал телевизор.

Кайса не слишком общительна, живет одна, мужчины к ней не ходят. Да и Карин некогда болтать, едва успевает прийти в себя после одной работы, как пора спешить на вторую. С трех ночи до утра она нелегально убирает в подпольном игровом клубе, потому всю неделю ходит сонной.

Обычно соседки ограничивались фразами приветствия, но в дела друг друга не совали, проблем у всех хватало своих. Позавчера, уходя на работу поздно вечером, Карин услышала, как Кайса впускает кого-то в квартиру, кажется, женицину, а может даже двоих. Пришлось даже подождать, пока все не стихнет, прежде чем выйти самой, Карин ни к чему лишние вопросы. Неужели потом они вместе ушли, оставив дверь нараспашку?

Нет, лучше закрыть дверь и отправиться к себе. Карин так и поступила, однако уже в своей прихожей вдруг почувствовала настоящее желание все же достучаться до соседки. Приоткрытая рано утром дверь в квартиру настораживала... Она пыталась вспомнить, была ли дверь открыта, когда Карин вечером уходила на работу, но так и не вспомнила. Этаж верхний, квартиры только две, но мало ли что могло случиться?

Когда на зов снова никто не ответил, женицину почему-то охватил страх. Отворила дверь пошире. Из комнаты доносился голос ведущей утренней программы теленовостей... Вот это уже совсем не дело – уходить, оставив телевизор включенным!

– Кайса, ты спишь, что...

Договорить не смогла, завизжав на весь дом.

Прибежала соседка снизу Энн, смотрела на выскочившую на площадку Карин с ужасом:

– Что случилось?!

– Там... там...

– Что там?

Но Карин не могла произнести ни слова, только показывала рукой в сторону прихожей. Заглянувшая в квартиру Энн схватилась за сердце:

– О, Господи!

Кайса висела, опутанная какими-то веревками. Ее лицо посинело от удушья, большой язык вывалился...

Карин уже тыкала в кнопки мобильного, вызывая службу спасения.

– Полицию... надо... – замотала головой Энн.

– Они вызовут.

Полиция приехала быстро.

Карин решила не упоминать, что слышала, как Кайса впускала кого-то в квартиру. Все равно женицину она не видела и даже о голосе ничего сказать не могла, голос как голос, а тогда пришлось бы объяснять, откуда сама возвращалась рано утром.

Кайса умерла еще позавчера, и вторые сутки болталась в таком виде. Страшная смерть от удушья.

Соседки судачили: маньяк?! И каждая проверяла крепость своих запоров. Если уж начали расправляться дома...

Вспоминали, что выглядело подозрительным в жизни Кайсы. Теперь таковым казалось все: жила одна, мало с кем общалась, гости бывали редко, мужчины никогда, только женицина такого же возраста.

Почему не интересовались соседкой целых два дня? А как интересоваться, если Кайса и раньше исчезала и неделями не появлялась, кто же знал, что на сей раз не так? Где она была в это время? Кто же знает, она не рассказывала. И где работала, тоже не говорила. Если человек не желает всем сообщать подробности своей жизни, кто вправе вмешиваться?

Жить в вечно бурлящем Нормальме или роскошном Эстермальме я не осталась из-за сводной сестры. Когда мама второй раз вышла замуж, в семье появилось невыносимо самоуверенное и наглое создание – дочь отчима Тереза. Ее мать бросила девочку и умчалась с новым мужем на ту сторону Атлантики. Отец ребенка баловал, няня-итальянка, жалея малышку, позволяла ей все. Результат получился плачевным, со временем справиться с этим монстром не мог уже никто, переезд из Милана в Стокгольм положения не исправил. Замученная беско-

нечными капризами няня осталась в Италии, а пятнадцатилетняя Тереза решила, что сводная сестра вполне годится в качестве нового объекта издевательств. Между нами разница в полтора года, это, по мнению Терезы, давало ей право брать мои вещи без спроса. Возвращались они никуда не годными, если вообще возвращались.

На мое счастье это продолжалось недолго. Окончив школу и начав самостоятельную жизнь, я безапелляционно выставила сводную сестрицу вон, как только та попыталась проникнуть в мой новый мир, и сократила до минимума общение со всей семьей. Оставалась еще бабушка – мама моего вечно отсутствующего обожаемого папочки. Вот с ней мы созваниваемся ежедневно, даже когда на лето или ближе к Рождеству она уезжает в загородный дом на озеро Валентуна.

Бабушка считает, что проводить Рождество или летние каникулы в городе почти преступление. Я тоже, а потому, как только Бритт улетит в свою солнечную Калифорнию, отбуду на каникулы к бабушке. Но не раньше, потому что бросить хандрящую из-за осенне-зимнего ненастья подругу одну в Стокгольме мне не позволяет совесть. Приглашение провести каникулы в Бюле вместе со мной Бритт, конечно, не отвергла, но как-то так уклончиво ответила, что я поняла: спасибо, лучше не надо.

Вообще-то скорое отбытие Бритт в Калифорнию секрет, но секрет Полишинеля. Сама подруга об этом ни гу-гу, и мне очень обидно, что она скрывает. Я нечаянно увидела билет на самолет, Бритт об этом не догадывается, а я делаю вид, что не догадываюсь, почему она потихоньку собирает вещи.

Наверняка поставит меня перед фактом вроде:

– Линн, прости, я тут решила слетать домой... Ты ведь не обидишься?

Я обиделась и давно, но не на ее решение посетить родимый дом, а на то, что скрывает от меня. Обиделась и молчу, пусть думает, что не догадываюсь.

Можно, конечно, полететь с ней в Калифорнию, но меня туда не слишком тянет, не люблю длинные перелеты. К тому же у Бритт должна быть возможность решить все самой, а мое присутствие в их доме на западном побережье США будет откровенным давлением на и без того не устойчивую душу Бритт. Что-то подсказывает мне, что она вряд ли вернется...

Любимая тема Бритт – маньяки, о всяких страстях она может говорить часами. Разумная и очень практичная в остальном девушка с замиранием сердца слушает новостные сводки, если сообщается об очередном убийстве, и сама с придыханием рассуждает о разных насильниках.

Когда я напоминаю, что подавляющее большинство людей за свою жизнь маньяков и не видели даже на фотографиях криминальных сводок, а неприятности имеют гадкое свойство притягиваться именно к тем, кто их ждет, Бритт горячится:

– Ты не права! Ты не права, и я тебе об этом ответственно заявляю!

Иногда мне кажется, что втайне Бритт надеется встретиться с маньяком, как бы дико это ни звучало. В Америке подруга даже ходила на какие-то курсы единоборств и кое-чему научилась, во всяком случае, время от времени демонстрирует воображаемому насильнику свои воображаемые умения: выставляет ладони ребром и с диким воплем: «Йе!» выбрасывает вперед правую ногу. Видно, это должно отбить у насильника малейшее желание связываться со столь тренированной и воинственной особой.

На деле же после такого упражнения Бритт редко удается удержаться на ногах, она теряет равновесие, и мне не раз приходилось старательно прятать улыбку.

– Все потому что я сейчас мало тренируюсь.

– Ты вообще этого не делаешь. Даже пробежаться утром тебя не заставишь.

Подруга зябко ежится:

– В такой холод?

– Какой холод, Бритт? Еще не зима!

– Тем хуже! Мокро, сыро, серо... – она прячет подбородок в большущий воротник теплого свитера, а кисти рук глубоко в рукава.

Я обнимаю ее, словно укрывая от холода и сырости. Бедная теплолюбивая девочка...

– Ты жалеешь, что приехала сюда учиться?

– Нет, что ты! – бодро отвечает моя американская подруга, но с каждым днем уверенности в ее голосе становится все меньше.

Подозреваю, что, улетев домой в свою солнечную Калифорнию на каникулы, обратно она не вернется. Родители Бритт шведы, но отца увезли в США совсем крохой, а вот у мамы остались детские воспоминания о сказочном Стокгольме и пушистом снеге на Рождество. Воспоминания, которыми она щедро делилась с дочерью, изобиловали восторгами: снежная зима, рождественские катания на санях, запряженных оленями, национальные костюмы... Забывая упомянуть о коротком световом дне половину года, пасмурном небе и том, что глубокие снега зимой – это север, а не юг Швеции, но там вообще полярная ночь.

Сама Бритт помнила только о самобытности шведских дизайнеров, которая просто недосяжима ни для остальных европейцев, ни, тем паче, для американцев. Моя подруга уверовала – чтобы стать настоящим дизайнером, просто необходимо отправиться учиться в шведский колледж, что и сделала в августе этого года. Для американки у Бритт явно странные наклонности, насколько я помню, делать что-то собственными руками, если это не приготовление рождественской индейки или фирменного пирога, у них не в чести. Шить себе одежду? Зачем, ее полно в любом бутике на любой вкус и кошелек.

А уж создавать из деревянных брусочков светильники или из проволоки плечики для одежды и вовсе глупость. Куда лучше изготовленные промышленным способом.

Подозреваю, что именно необычное увлечение повышало ценность Бритт в собственных глазах. Это также был способ заявить о своей уникальности.

Она приехала учиться дизайну в Стокгольм, поступила в Бэкменсовский колледж и всю осень вдохновенно превращала километры ткани в оригинальные наряды. Но чем короче становился день, тем больше портилось настроение Бритт, бедолага все чаще задавала риторический вопрос: как можно жить без солнца по полгода?! Дождь приводил ее едва ли ни к зубной боли и отсутствию желания держать себя в форме. Никакие уговоры, что одна утренняя пробежка поднимает настроение куда заметней, чем килограмм вкуснейшего шведского шоколада, не помогали. Если на улице дул холодный ветер или шел дождь, пусть даже мелкий, Бритт оставалась валяться в постели.

– Погибшая – молодая женщина лет двадцати пяти... Точнее определить трудно, лицо слишком распухло... – поспешно наговаривал на диктофон старший инспектор Микаэль Бергман.

Он и впрямь торопился, потому что находиться рядом с этим трупом неприятно, хотя инспектор видел в своей жизни всякое. Просто он патологически не любил повешенных, вид вывалившегося языка вызывал тошноту. Скорей бы уж приехали медики да забрали...

Вообще-то, это не его дело – осматривать место преступления, но Микаэль ам решил своему подчиненному Дагу Вангеру задержаться сегодня утром, а потому выполнял его обязанности. Вангер уже звонил, должен вот-вот подъехать. Микаэль Бергман вздохнул, настроение и аппетит испорчены на весь день, но кто же мог знать, что здесь его ждет самое неприятное. С детства, после того, как увидел повесившегося соседа, самоубийцу не переносил.

Бергман отправился на кухню, делая вид, что желает еще раз осмотреть оставшуюся на столе посуду... Ничего особенного – недопитая бутылка вина, пара фужеров, чаши, остатки пищи...

Специалист «по пальчикам» отрицательно помотал головой:

– Нет, только ее пальцы.

- Но выпивали двое?
- Скорее ждала кого-то, второй фужер не тронут. И чашка тоже.
- Странно – пить рано утром.
- Пила вечером, пиццу ела тоже.

Наконец появился Даг Вангер, увидев труп, даже присвистнул:

- Самоубийство?
- Скорее несчастный случай. Самоудушение. Следов борьбы никаких, чужих пальчиков пока тоже.

Даг отправился опрашивать соседей, которых и было-то немного. Дом маленький, всего по две квартиры на каждом из трех этажей, в одной не живут, в двух тугие на ухо пенсионерки, соседка, что обнаружила труп, тоже ничего не видела...

Немного погодя приехали медики, констатировали смерть от удушья, забрали труп.

Инспектор вздохнул:

- Глупая смерть...
- Да, – отозвался старший команды медиков, – она умирала мучительно. Документы есть? Родственники будут опознавать тело?
- Пока не знаем, есть ли родственники. Жила одна.

Наконец, осмотр и опрос закончены. Бергман и Вангер с облегчением покинули квартиру. После увиденного даже хмурое небо показалось приятным. Все познается в сравнении.

Можно возвращаться в отдел и, оформив бумаги, сдавать дело в архив. Инспектор еще не знал, что это лишь первая из нелепых смертей женщин.

Но сразу уйти не удалось.

– Чертовы газетчики! Откуда они узнали?!

У дома уже крутились двое, у одного в руках камера, у второго микрофон.

– Инспектор, это самоубийство или убийство?

– Кто пустил сюда репортеров? Перестаньте снимать, еще ничего не понятно, а вы уже делаете репортаж!

Но избавиться от журналистов не удалось, пришлось обещать, что полиция непременно все расследует в ближайшее время и обязательно расскажет общественности о том, что произошло и кто виноват, если действительно виноват.

Бергман говорил нужные слова, прекрасно понимая, что сенсацию репортеры не упустят, уже через час Стокгольм будет знать о трагедии все подробности, включая и те, которых просто не могло быть. Но Микаэль давно уяснил, что воевать с ишустрыми газетчиками себе дороже, они часто путают свободу слова с вседозволенностью, привлечь за безответственную болтовню удается крайне редко, остается либо не замечать, либо минимизировать вред, давая исчерпывающую информацию. Поскольку второе далеко не всегда возможно и нужно, оставалось первое.

– Пусть себе сообщают, – проворчал он, втискиваясь в машину Вангера. – Черт! Когда ты купишь нормальную машину?

– Мне хватает этой...

Можно бы поехать на более просторной служебной, на которой прибыл на место происшествия, но Бергману хотелось поговорить с Вангером, разговор личный, и в кабинете на него не будет времени.

Утром в субботу на улицах никого, кроме разве таких же бегунов, как я да хозяев собак, выводящих своих питомцев на прогулку. Вот и хорошо, вот и славно. Это не галдящий Норр-

малым, где круглые сутки на улицах, больше похожих на проходы в «Галерее», толпится разношерстная публика.

Моя мама, наоборот, любит толчею и называет меня старушкой, обожающей деревню. Мама моложавая и очень активная. Чтобы только перечислить общественные организации, в которых она принимает участие, понадобилось бы немало времени. И в голове у нее компьютер, потому что помнить расписание всех мероприятий и имена всех сотрудников обычный человек не способен.

А я больше похожа на бабушку...

В окне первого этажа девочка приветственно машет мне рукой. Эта девочка – инвалид, она с раннего утра сидит в коляске перед окном, и если мимо проходит или пробегает кто-то хотя бы внешне знакомый, улыбается и поднимает тоненькую, почти прозрачную ручку.

Я знаю, что ей нужно, а потому машу в ответ, потом показываю, будто обнимаю малышку, та заливается счастливым смехом. В комнате появляется ее мать и тоже приветствует меня.

Много ли человеку надо? Этой малышке – видеть людей на улице и махать им рукой, ее матери улыбка на лице ребенка, а мне их ответная доброта.

Дважды сбежать и снова подняться по Лестнице Последнего Гроша, в очередной раз убедиться, что лучшего вида на город, чем с площадки рядом с рестораном «Херманс» на Катаринавагэн, не сыскать, хотя туристические каталоги называют другую – с террасы Мосебакке или хотя бы с площадки уже недействующего лифта Катаринахиссен – и отправиться обратно. Пусть туристы фотографируют открыточный Стокгольм с положенных мест, у меня есть свой, любимый и знакомый до каждого камешка под ногами.

Прохладно, пасмурно, но воздух свеж и напоен влагой. Замечательно! И вид прекрасный.

Рядом с домом:

– Хорошо выглядите, фру Сканссон...

Она фрекен, но намекать на несостоявшееся замужество не стоит, потому обойдемся «фру».

– Да уж, не жалуюсь.

Чтобы скрыть улыбку и не дать излиться словесному потоку фру Сканссон, я наклонилась к ее терьеру:

– Малыш, ты тоже. – Пес в ответ вежливо вильнул хвостом. – Всего доброго, фру Сканссон.

Это хитрость. Промедлив, можно застрять минимум на полчаса, выслушивая жалобы на нелегкое бытие и невнимательность соседей. Дело в том, что фру Сканссон больше всего на свете любит как раз жаловаться, и все, кто знает об этом ее качестве, по возможности старались избегать разговоров с ней. Бритт обиженная на жизнь фру называет «этой бессердечной американкой» и несколько раз пыталась посочувствовать мне из-за такой подруги. На заверения, что Бритт просто стесняется своего плохого шведского, было заявлено:

– Что вы, милая! Вы не знаете этих американцев! Они в принципе не могут смущаться!

– Не все американцы одинаковы...

– Все!

Я уже не помню, что избавило меня от длинной лекции по поводу недостатков всех американцев до единого, кажется, сама «бессердечная» Бритт, но с тех пор я стараюсь проскальзывать мимо соседки со скоростью стрижа над водой.

Вслед мне несется:

– Вы не знаете, что случилось?

– Где? – Это уже на лестнице, даже если она начнет рассказывать очередную страшилку, которые любит не меньше Бритт, я успею крикнуть, что слышала об этом ужасе, и у меня звонит телефон в квартире.

– Нашли повесившуюся девушку!

– А, да, конечно!

Я проскользнула в квартиру, радуясь, что встретила разговорчивую фру Сканссон на улице, а не на площадке, потому что тогда не избежать длинной беседы, разве что ее Фокс сделал бы от нетерпения лужу...

– Бритт! Лентяйка, ты все еще валяешься? Вставай!

В квартире тихо. Куда это она девалась?

Сбрасывая кроссовки и куртку, я прислушиваюсь.

– Бритт, ты же опоздаешь. Отзовись!

– Встаю... – сонный голос из комнаты Бритт. Что-то не похоже, чтобы она вставала, скорее, только намеревается это сделать.

– Наконец-то.

Я поспешила в ванную, прекрасно понимая, что если полусонная подруга займет душ раньше, то ее еще полчаса не выгонишь.

Существовала другая опасность, что эта соня, пока я буду мыться, снова уляжется в кровать. Или вообще встать не будет, услышав звук льющейся воды.

Но не тут-то было. Бритт приползла следом и, плюхнувшись на закрытую крышку унитаза, философски поинтересовалась, не особенно стараясь перекрыть шум от душа:

– Почему люди кончают жизнь самоубийством?

Я высунула голову из-за пластиковой занавески:

– Кто?

– Девушка повесилась...

Та-ак... второе сообщение на эту тему за полчаса. Они что, сговорились испортить прекрасное субботнее утро?

– Мало ли причин может быть для суицида.

За завтраком Бритт сделала попытку снова обсудить гибель девушки. Нет, у них с фру Сканссон есть что-то общее, пока не испортят настроение, от темы несовершенства мира не откажутся...

– Бритт, у тебя сегодня предварительная сдача работы. Больше преподаватель переносить не будет, сама же говорила.

– Угу, – мрачно согласилась подруга.

Через неделю у Бритт действительно выставка и дефиле, а я намеревалась это сфотографировать, чтобы сделать репортаж для студенческой интернет-газеты. Тех, кто сегодня не предоставит практически готовые работы, ни до какой выставки не допустят, это Бритт прекрасно понимала сама, потому мы нагрузили машину подруги мешками с одеждой и отправились в колледж.

Больше разговоров о суициде и повешении до конца дня не возникало, и слава богу.

Во второй половине дня Бергман вспомнил об утреннем деле.

– Ну, что там выяснилось?

Даг Вангер, которому пришлось провести ночь за рулем, а потом разбираться с повесившейся (или повешенной?), едва держался на ногах. Он так откровенно старался не заснуть, тараща глаза и усиленно моргая, что Бергман сжалился:

– Докладывай, что имеется, и отправляйся спать.

– Это даже не суицид, просто несчастный случай. Погибшая увлекалась БДСМ, связала сама себя и не рассчитала, освободиться не смогла, произошло удушение.

– Тьфу ты! Что за дуры? – возмутился старший инспектор. – Родственники есть?

– На севере, вызвали уже.

– Приедут, опознают, можно закрывать дело. Только проследи, чтобы судмедэксперты с заключением не тянули.

– Вообще-то она в последнее время этой глупостью не занималась. Раньше, лет пять назад – да, а сейчас нет. С чего вдруг начала? – Вангер растер ладонями лицо, взъерошил волосы.

– Не вздумай ехать домой на машине, возьми такси.

– Угу... Двое суток без сна. – Он потряс головой, вздохнул. – Какого черта в петлю полезла?

– Может, по старой памяти да подзабыла?

– Она кого-то ждала.

– Думаешь, не пришел? – Бергман с тоской обозрел стопку папок, которые следовало разобрать до конца дня.

Вешаться вообще нелепость, а уж так заковыристо, что и медики едва развязали, да еще из-за мужчины... Ох глупые...

Микаэль Бергман относился к жертвам по-отечески сочувственно, даже если жертвами были преступники, этим он славился в Управлении, следователи даже посмеивались, мол, чтобы Бергман пожалел, надо стать жертвой. Микаэль на их едкие замечания смотрел сквозь пальцы, потому что и к следователям относился тоже по-отечески. К тем, кто не ставил отдых превыше дела.

Он вскинул глаза на Вангера:

– Ладно, езжай домой, остальное завтра.

Ужасно, что Вангеру приходится заниматься чьим-то самоубийством после того, как вернулся с похорон брата. Брат был смертельно болен, что заставило бедолагу принять смертельную дозу снотворного... Бергман понимал, какие чувства должно вызывать у Дага слово самоубийство, но поручить это дело некому, все загружены работой и отчетами. Еще неизвестно, чем больше.

Демонстрация моделей в следующую субботу удалась, Бритт в том числе. Все признано имеющим яркую индивидуальность и в то же время вполне приемлемым для повседневного использования.

– Ваша концепция «Практичная индивидуальность» заслуживает особого внимания.

Эти слова для Бритт не просто бальзам на израненную пасмурной погодой душу, а настоящая осанна. Может, останется в Стокгольме? Мне без нее будет скучно.

Правда, пока вопрос возвращения не обсуждался. Но это потому, что и вопроса невозвращения тоже не было. Просто я подозревала, что доведенная отсутствием тепла и солнца почти до состояния депрессии, Бритт может предпочесть исторической родине своих родителей родину собственную. Бритт понимала, что я понимаю, и молчала. Я понимала, что она понимает, что я понимаю, и молчала тоже.

Успех следовало отметить в любом случае.

– В «Рокси». Терпеть не могу мужиков! – объявила Бритт, так свирепо покосившись на преподавателя, что я поняла: он недостаточно высоко оценил старания моей подруги.

«Рокси» на Нуторьет недалеко от нашего дома держат три подруги, соответственно и народ там собирается все больше женский. Но это не лесбийское собрание, просто дамские посиделки. Только не стоит думать, будто в «Рокси» все в розовом или гламурненько, как счи-

тают некоторые мужчины, вовсе нет, ресторан как ресторан, современный и даже несколько официальный. Просто компания душевная... и светильники своеобразные.

За Бритт никогда не наблюдалось ни особого пристрастия к противоположному полу, ни лесбийских наклонностей, скорее дело в обиде на несправедливую оценку. Ничего, посидит в «Рокси», оттаит. Там ее успехи в деле создания уникальных нарядов оценят. СоФо самое место для таких как Бритт. Ну и я для нее тоже – самое то...

Посидели мы действительно хорошо. Когда вернулись домой, я решила отредактировать снимки, сделанные во время показа моделей, перенесла их в ноутбук. Заодно проверила почту.

Это был определенно знак судьбы, потому что, отложив работу на завтра, моя жизнь сложилась бы иначе.

Среди нескольких писем, отправленных просто от нечего делать, нашлось одно – от Курта Малунгена, привлекающее мое внимание. Мы с Куртом вместе учились, почему бы не позвонить? Но он предпочел написать, предлагая завтра утром (воскресенье в десять утра) встретиться с некоей дамой – владелицей интернет-издания, которая набирает небольшую группу начинающих журналистов для интересной работы.

Я знала, что Курт ко мне, как говорила в таких случаях Бритт, «неровно дышит», потому, если бы он назначил встречу в восемь вечера, отмахнулась бы. Но утро воскресенья... Не настолько Малунген садист, чтобы так жестоко со мной поступать. И все же предпочла перезвонить.

– Курт, привет. Что за предложение?

– Привет, Линн. Не бойся, подвоха нет. Анна Свенссон, которая сейчас владеет интернет-изданием «На шаг впереди», решила его реформировать. Для работы ей нужны несколько начинающих журналистов.

Вообще-то, я переводилась на другую программу, но говорить об этом Курту почему-то не стала.

– А как же учеба?

– Это не постоянная работа, она набирает группу для выполнения задания, а потом отпускает. – В голосе Курта было что-то кроме привычного энтузиазма.

В ответ я вздохнула совершенно без энтузиазма:

– Это хоть не детище «Экспрессена»?

– Не знаю, мне пока неизвестно, но не «Экспрессен» точно. Ты не любишь бульварную прессу?

– Не хочется начинать с желтых газет, потом в другие не возьмут. А что за задание?

– Вроде какое-то журналистское расследование, сейчас это модно. Завтра встреча, все скажут. В конце концов, если не подойдет, можно отказаться. А вдруг что-то интересное? Придешь?

Я посмотрела на адрес. Ничего особенного, это практически Арка Боффиля со стороны вокзала Седра. От дома два шага...

– Пожалуй, схожу. А почему ты предлагаешь мне?

Курт чуть замялся...

– Говори уж!

– Эрика должна пойти со мной, но ее родители вдруг собрались до середины января в Америку, Эрика с ними.

Не могу сказать, что меня задела такая простая замена меня на Эрику и Эрики на меня. У нас с Куртом ничего не было, он просто оказывал мелкие знаки внимания вроде угостить кофе из пластикового стаканчика или занять очередь на ланч в университетском кафе. Но все равно это признание не слишком обрадовало. Почему я ответила, что приду, и сама не

знаю. Скорее всего, просто захотелось убедиться, что Курт не так уж сильно переживает из-за предательства Эрики.

Зачем мне он сам? Не нужен абсолютно.

Оговорив место и время встречи, я отправилась в ванную поваляться в пене.

Туда тут же заглянула Бритт:

– О чем размышляем?

Она права, замена обычного душа ванной означала серьезные раздумья.

– О жизни.

– И как? – выдавливая зубную пасту на щетку, деловито осведомилась подруга, словно от этих размышлений зависело если не будущее человечества, то, по крайней мере, наше с ней.

– Придумаю – сообщу, – не менее серьезно обещала я, заныривая в воздушные пузырьки глубже. Из пены должна торчать только голова, иначе какой в ней смысл?

– С кем разговаривала? – у нее получилось «разговаривала» из-за зубной щетки во рту.

– Курт предлагает подработать на каникулах.

Сомневаюсь, что она помнит, кто такой Курт, но это неважно.

– Тебе нужны деньги? – подруга даже зубы чистить перестала.

– Нет, ради практики, какое-то журналистское расследование.

– А?!.. «Миллениум»?! – для Бритт в Швеции существовал только Стиг Ларссон и его «Миллениум», подозреваю, не для нее одной.

– Успокойся, нет, – я попыталась ногой закрыть кран. Но вместо этого нажала на переключатель душа, и вода хлынула сверху. От неожиданности я нырнула в пену с головой, а Бритт, которую отвернутый в сторону душ окатил с головы до ног, с визгом отскочила к двери.

Визжать было от чего, я сумела закрыть горячую воду, но не справилась с холодной, душ оказался ледяным...

Следующие полчаса нам оказалось не до Курта с его предложением. Это только в ванну вода наливается медленно, на пол она это делает почему-то куда быстрее...

Но Бритт о предложении не забыла, как же, расследование да без нее?

– Так что за «Миллениум»?

– Какое-то «На шаг впереди». Остальное узнаю завтра.

– Уже хорошо! Я с тобой.

Вот этого я и боялась, зеленые глаза подруги блестели слишком заинтересовано, чтобы дело закончилось добром. Может, я ошиблась, и она не собиралась улетать в свою Калифорнию?

– Тебе-то зачем?

– Ты же знаешь мою интуицию, она не подведет.

О, да! Интуиция Бритт неоспорима, она всегда подсказывает верно, ну, кроме тех случаев, когда почему-то ошибается. Однако упоминать об этих прискорбных недоразумениях не рекомендуется.

– Хорошо, если встанешь в девять.

– Надо покопаться в Интернете, – подруга подтянула к себе ноутбук и устроила на ногах, сложенных по-турецки.

А она молодец, заняв мысли Куртом и нашими с ним отношениями, которых, собственно, не было, я совсем забыла про Сеть. Там наверняка есть это самое «На шаг впереди».

Из Бодена приехала сестра Кайсы Стринберг. Они не слишком часто виделись с погибшей, но все же сестра есть сестра, Даг надеялся, что девушка сможет объяснить, почему Кайса полезла в петлю. Но, глядя на фрекен Стринберг, Вангер подумал, что понимает Кайсу, в шестнадцать лет сбежавшую в Стокгольм. Сестра всего лишь на два года старше погиб-

шей, то есть, нет и тридцати, но внешне ей можно бы дать все сорок. Тусклым и безрадостным в ней было все – внешность, взгляд, голос... Человек, который с депрессией родился, с ней живет, от нее и умрет, вернее, давно умер, существует только оболочка.

– Мама все время плачет, с тех пор, как узнала, папа сидит молча. Она... мы всегда знали, что из этого ничего хорошего не выйдет. Разве можно ждать чего-то хорошего от жизни в сумасшедшем городе?

– Каком сумасшедшем?

– В Стокгольме! Тут могут убить. Тут всех убивают!

Вангер с изумлением выслушал эту тираду. Ого! Фрекен Стринберг очнулась?

– Так уж и всех, я, как видите, жив.

– Вы мужчина, – фрекен явно обвиняла Дага в позорной принадлежности к этой половине человечества, – а Кайса была женщиной!

Несмотря на всю серьезность ситуации, он едва сдержался, чтобы не поерничать:

– Да что вы говорите?!

Фрекен Стринберг мгновенной заминки инспектора не заметила, она продолжала обличать и пророчествовать:

– Это все ее дружки, это они виноваты!

– Виноваты в чем?

– В трагедии, в том, что Кайсы больше нет.

Что сестру убили, она все же не сказала, но доведение до самоубийства тоже преступление, которое требуется расследовать.

– Вы считаете, что ее довели до беды? – Дагу страшно не хотелось произносить слово «самоубийство». – Вы знаете кого-то из друзей сестры?

– Нет!

Но по тому, как Стринберг произнесла это слово и быстро отвела глаза, Вангер понял, что она лжет.

– Может, все-таки кого-то вспомните?

Губы поджались, превратившись в узкую полоску.

– Я не дружу с такими...

Фрекен обижена, только чем?

Ясно, самым подозрением, что она может знать с кем-то в этом сумасшедшем городе, где с утра до вечера убивают всех без разбора. Нет, не всех, только женщин.

– С какими такими? Фру Стринберг, нам очень важно узнать о вашей сестре как можно больше, чтобы понять, виновен ли кто-то в ее гибели, а если виновен, то кто именно. Это поможет наказать виновного.

При слове «наказать» у Стринберг появился огонек в глазах.

– Кайса не очень много рассказывала о своей тяжелой жизни в Стокгольме, но кое-что я все-таки знала.

В следующие полчаса Вангер уяснил, что знала многое, видно, Кайсу контролировали, вероятно, звонили каждый день. Когда сестра погибшей закончила свой подробный и в то же время пространный рассказ, у Дага уже просто трещала голова.

– Да вы же ничего не записывали?! – вдруг ахнула фрекен Стринберг. – Я все это говорила зря?!

Вангер молча нажал на кнопку диктофона. Услышав собственный голос, Стринберг сначала испугалась, потом нахмурилась:

– Как-то не очень на меня похоже.

Даг подумал, что это неудивительно с ее-то дикцией, говорит, словно что-то держит во рту под языком, но укорять за невнятное произношение фрекен Стринберг не стал, напротив, совершенно серьезно прочитал целую лекцию ни о чем:

– Человек никогда не узнает собственный голос. Просто когда мы говорим, добавляется некий внутренний резонанс, вы понимаете? – Вангер понятия не имел, что там добавляется, но старался говорить как можно уверенней, чтобы эта серая курица почувствовала, что отвлекает очень серьезных и занятых людей. – Все, что вы сказали, записано, теперь я должен обработать полученную информацию, передать ее службе... слежения и получить от них данные обо всех, кого вы упомянули. После тщательной обработки этих данных можно будет сделать вывод о причастности или непричастности названных людей к произошедшей трагедии. Кроме того, мы должны получить заключение патологоанатомов о причинах и сроке смерти.

Все время, пока произносил эти общие, ничего не значащие фразы, Вангер, не отрываясь, смотрел в глаза Фрекен Стринберг, та тоже пялилась, даже не моргая, и постоянно кивала. Со стороны могло показаться, что Даг инструктирует ее перед каким-то важным событием, и оба стараются ничего не пропустить и не забыть.

– Когда работа будет проведена, мы с вами свяжемся. Вы надолго в Стокгольм?

– На один день, сегодня должна обратно...

– Боюсь, вы не сможете забрать тело сестры, если только это не самоубийство.

– Это не самоубийство! – зло и почти по слогам произнесла серая курица.

Но Вангер не смутился, за шесть лет работы он видел всякие трупы и всяких родственников.

– Я тоже так думаю. Вам придется приехать позже. Вы не могли бы оставить мне дополнительный телефон для связи. Мне может понадобиться ваша консультация.

Фрекен Стринберг снова закивала, но уже не так послушно, просто соглашаясь, записала номер своего мобильного и удалилась, по пути, почти победно оглядев подпирающую дверной косяк Фриду.

– Какой там службе ты собираешься передать информацию? – Фрида устроилась на стуле, где только что сидела Стринберг, и Вангер невольно сравнил двух девушек.

Они примерно одного возраста, Фриде тоже около тридцати, но она подтянутая, насмешливая, живая. Дело не в профессии, обязывающей инспектора Фриду Волер быть физически и эмоционально крепкой, она изначально не могла выбрать профессию, позволяющую быть рохлей и тянучкой, а сестра убитой Кайсы никогда не смогла бы стать инспектором.

– Интересно, кем она работает?

– Ты не спросил?

– Чтобы услышать подноготную всех сотрудников какой-нибудь службы Бодена? Уволь меня.

– Стереть? – Фрида кивнула на диктофон.

– Нет, пока пусть останется. Там немало занятой информации, мало ли где пригодится.

– Сказать, чтобы распечатали?

– Нет, просто сохрани. Что бы я без тебя делал?

– Пропал! Ладно, пойдем, попьем кофе?

– Попрошу Бергмана, чтобы на следующее дело поставил нас вместе.

– Свалить всю работу на меня, а самому отсыпаться за предыдущие шесть лет? Ну уж нет, не выйдет.

Вангеру действительно хотелось, чтобы Фриду прикрепили к нему в группу, хотя сама группа сейчас занималась всякой всячиной вразнобой.

Только бы Курт не решил, что я согласна стать его девушкой взамен променявшей его на заокеанские дали Эрики...

С чем-то подобным я только что распрощалась. Нет, я не вертихвостка, скорее наоборот, за два года учебы в университете рассталась всего в двумя парнями, причем похожими друг на друга как близнецы, то есть одинаково занудными, благовоспитанными и самое противное – предсказуемыми при всей их сексуальной раскованности.

Обоих мне «организовала» мама, это сыновья ее деловых партнеров, молодые люди, у которых расписано все на десятилетия вперед. Подошло время встречаться с девушкой, чтобы вовремя жениться, родители познакомили с подходящей, вот и все. Честное слово, я даже не подозревала, что в наше время такое возможно. В Швеции не в моде официальное оформление отношений, какая разница, состоялась ли церемония в Ратуше?

Нет, оба парня вовсе не были зашоренными идиотами, скорее наоборот. У Берга выявились склонности к бисексуальности, он слишком часто заглядывался на молодых людей, что приводило меня в ужас.

– Посмотри, какая у этого парня крепкая попка! Линн, ты определенно фригидна, если столь красивые ягодицы не впечатляют. Мне казалось, женщины должны умирать от таких форм.

Как хотите, а иметь парня, с восторгом рассуждающего о мужской заднице, это слишком. Однажды представив себе обладателя хороших форм в нашей постели третьим, я твердо заявила Бергу, что встретила другого. Тот лишь спокойно пожал плечами:

– Жаль, хотя, мне кажется, ты не стала бы понимающей супругой.

Вот с этим я вполне согласна! Я махровая гомофобка, как бы несовременно это ни звучало, и понять тягу одного мужчины к ягодицам другого могу, но не хочу. Вернее, пусть тянется... но только как-нибудь без меня и этими же руками меня не трогает.

Второй, Йен, ни геєм, ни бисексуалом не был, он увлекался девушками, девушками и только ими. Неизвестно, что хуже. Для меня у Йена существовали два дня в неделю, в которые мы успевали посетить все значимые премьеры сезона, посидеть в роскошных ресторанах и даже полетать на воздушном шаре над городом. Это не были два определенных дня, потому что премьеры могли случаться в разные дни недели, но это были только два вечера и две ночи. Остальные пять Йен проводил по своему усмотрению и вмешиваться в распределение или ревновать, столкнувшись с ним где-нибудь в клубе в обществе очередной красотки, я не имела права.

Расстались без надрыва, как-то слишком цивилизованно. Просто однажды я произнесла:

– Йен, я думаю, тебе не стоит сегодня ночевать у меня...

– Я тебя не удовлетворяю?

Удовлетворял, мне хватало походов в театр, ресторан, клуб или кино дважды в неделю, а также двух ночей после них, тем более Йен весьма изобретателен и силен, но что же оставалось для меня? Домашняя игрушка, обязанная быть всегда довольной жизнью в отведенных рамках? Зачем это мне?

Когда я задала такой вопрос Йену, он усмехнулся:

– А чего ты ждешь, любви с первого взгляда или принца на белом коне, который заберет тебя в сказочную страну? Поверь, я предлагаю лучшее. Ты будешь обеспечена, будешь иметь постоянный секс и достаточную свободу для собственных увлечений. Я современный мужчина и согласен предоставить тебе таковую. Я всего лишь должен знать, что ты не даешь повода злословить за моей спиной и не подцепишь заразу.

– А любовь?

– Что?

– Любовь, Йен. Ты ни разу не сказал, что любишь меня. Подозреваю, что у тебя и сердце ни разу не забилося сильнее при мысли обо мне.

– Ты взрослая женщина, а рассуждаешь как ребенок. Можешь считать, что люблю, если это так важно. Сказать тебе слова любви? Да пожалуйста. А цветы я дарю постоянно.

О, это я знаю. Ежедневно приносят букет из цветочного магазина. В среду. Утром. Всегда примерно одного размера и качества. Йен определенно оплатил нечто вроде абонемента на год вперед.

– Не нужно говорить ничего, Йен, совсем ничего. Вообще ничего. Ты найдешь себе взрослую женщину, которая будет рассуждать так же, как ты сам, примет твои условия и согласится на секс по расписанию без угрозы заражения.

– Это означает, что мы больше не будем встречаться?

– Мне показалось или ты действительно испытываешь облегчение?

– Ну-у... мне с тобой было хорошо... – в голосе любовника не слышалось стопроцентной уверенности.

– Так хорошо, что ты сотрешь мой номер телефона, едва я выйду из машины?

– Линн!

– Я не права?

– Нет, я буду поздравлять тебя с праздниками и звонить раз в неделю, чтобы узнать, как ты. – А вот нотки облегчения все же пробились, как бы Йен ни прикидывался.

– Раз в месяц.

– Хорошо, в месяц.

Черт, как он легко согласился! Может, не стоило так решительно? Но отступить некуда.

– Договорились.

– А дружеский секс иногда?

Я пожала плечами:

– Посмотрим... Кстати, не забудь аннулировать свой заказ в цветочном магазине, теперь нет необходимости в букетах.

Он явно смутился, потом рассмеялся даже лукаво:

– Букеты будут доставлять до Нового года.

– Йен... ты явно просчитался. Оплатил вперед?

Любовник смотрел на меня уже заинтересованно.

– Линн, а, может, попробуем еще раз?

– Нет, дорогой, не стоит.

Боже, какое это удовольствие отказывать любовнику, с которым давно не ладится! А ладилось ли? Теперь я уже не была уверена ни в чем. Однако что-то требовалось делать со мной самой. На такой разговор я могла решиться только в самый отчаянный момент, это против всех моих правил и жизненных установок. Мама иногда говорит, что ей кажется, будто она родила меня не в современном Стокгольме, а в монастыре в позапрошлом веке. «Нельзя быть такой несвоевременной!» Несвоевременной – это ходить с косой, играть на скрипке для души и быть сексуально зажатой. Ну и пусть, я такая, какая есть.

В тот вечер я долго не могла заснуть, размышляя над собственным отношением к жизни и сексу. Я не современная? Наверное, да. Йен прав, мне нужна любовь, пусть не с первого взгляда (хотя желательна именно такая, потому что вдруг разглядеть принца на белом коне среди тех, кого я давно и хорошо знаю, как-то не слишком реально), но захватывающая. Если страсть, то чтоб обо всем забыть и на все быть готовой.

С другой стороны способна ли я сама на такую страсть? Да и какой принц посмотрит на Линн Линдберг? Нет, посмотреть один раз может, но второго не будет. Большинство прекрасных принцев и вовсе скользят по мне взглядом, как по мебели. Чем зацепить?

Рост... ну... выше среднего. Упитанная, да-да, и никто меня в этом не разубедит! Классические 90-60-90 у меня превышены довольно заметно – 96-64-96. Ноги не от ушей, и шея не лебединая. Хотя тоже ничего... Все вроде в норме, но в результате получается середнячок...

Вот это самое мерзкое – середнячок, то, на что внимание обращают в последнюю очередь. Нет, я вовсе не желаю растолстеть, чтобы вслед глазели с жалостью или изумлением,

но хочу быть яркой, чтобы парни в компании замечали сразу, а не через час после начала вечеринки. Хорошие волосы, белоснежная (без отбеливателей!) улыбка, красивые руки... да и ноги стройные... Изъянов нет, но все вместе каким-то непостижимым образом складывается в посредственность.

А все проклятые 96 см! И никто не переубедит меня, что при росте в 170 см это нормальный объем бедер, что будь я тоныше, выглядела бы жердиной (бабушкины слова, не мои). Я не сижу на диетах, потому что хорошо знаю: это временно, пока мучаешь себя голоданием или чем-то подобным, вес держится, но стоит позволить лишнее, как набирается куда больше, чем сбросила. К тому же стоит только добиться заветного количества килограммов, как выясняется, что идеальный вес распределен на твоей фигуре совершенно неправильно!

Для меня лучше держать в форме мышцы, потому бегаю по Лестнице Последнего Гроша, плаваю в Ериксдалбадет, стараюсь как можно больше двигаться. У меня хорошая растяжка, потому что в детстве занималась хореографией, пока маме не сказали, что я совершенно не гожусь в прима-балерины по физическим данным. Кстати, именно слова преподавательницы «кость широка, сама девочка обыкновенная» и определили мой комплекс. Обыкновенная... это обо мне, я так и осталась в собственной оценке обыкновенной, и ничто не способно изменить это мнение.

Слава богу, преподавательница не говорила об уме, хоть такого комплекса не случилось.

К сожалению, мама никогда не обращала на подобные мелочи внимания, а моя нынешняя уверенная в себе подруга Бритт страдала тем же. Мы обе стеснялись своих тел! Два комплекса рядом только усиливали друг друга, мы могли сколько угодно подчеркивать свою индивидуальность, в очередь за ней парни не выстраивались. Оставалось вопрошать:

– Да нужны ли они нам?!

Следовал ответ:

– Конечно, нет!

Объяснение простое: сказочная любовь бывает только в сказках.

Но так рассуждать хорошо, только когда рядом подруга, а если я останусь одна?

При мысли о таком одиночестве из глаз едва не брызнули слезы. Как уговорить Бритт не бросать учебу в Стокгольме? Мне без нее будет плохо.

Ничего выудить об интернет-издании Бритт не смогла. Раньше в нем вразвалочку занимались журналистскими расследованиями, впрочем, почти безрезультатно, громких разоблачений не имелось, новая владелица намерена все реорганизовать. Мобильные журналистские группы, общая координация дел...

– Ладно, завтра увидим!

– Даг, подожди сдавать дело о самоповешении в архив. Зайди ко мне, есть кое-какие новости.

Вангер чертыхнулся, вот так всегда, стоит решить, что все закрыто, как появляются новые данные или новые жертвы.

Стол Микаэля Бергмана завален бумагами, из-за которых начавшую лысеть голову старшего инспектора почти не видно. Он кивком пригласил Дага присесть и продолжил разговор по телефону.

Вангер сел, хотя возможности расслаживаться не было, как всегда в конце года львиная доля времени уходила на всякого рода отчеты и сводки. Конечно, этим занимается специальный отдел, но они то и дело норовят проконсультироваться, к тому же вдруг выясняется, что кучу безнадежных мелких дел нужно срочно сдать, что-то не оформлено, что-то просто не закрыто...

Положив трубку, Бергман вздохнул:

– Новая напасть на нашу голову – газетчики сунули свои носы в дело о самоповешении. Связались с БДСМщиками, накопили кучу всяких фактов, противоречащих версии самоубийства и требуют расследования на новом уровне.

– Ну, и что их не устраивает?

– Говорят, так не вешаются.

– А то мы без них не знаем! Ни нормальной петли, ни табуретки, выбитой из-под ног...

– Да нет, не так все просто, там какие-то особенные узлы, которые придумал определенный человек – Ларс Юханссон. Понимаешь, есть люди, которые изобретают перпетум-мобиле, а эти вот подвешивание.

– И что?

– Придется и тебе познакомиться с садо-мазо.

– Стоит ли?

– Похоже, стоит. У меня тут есть адресок, свяжись, расспроси, покажи снимки, может, они правы? А нет, так со спокойной совестью изложим мнение специалиста газетчикам.

– Времени нет.

– Да мне самому эта свобода прессы вот где! – Бергман красноречиво показал, как его достали газетчики. – Но отмахнуться нельзя, если они правы, то нас самих подвешат за упушения. Лучшие кое-что отложи, посмотри там сам, что можно.

Вангер только кивнул, прекрасно понимая, что, имея Бергман возможность отмахнуться от соображений газетчиков, он бы с удовольствием отмахнулся. Может, в этом деле и правда что-то есть?

На листе, данном старшим, значились только номер телефона и имя: Леннарт Викстрём. Ладно, придется звонить Леннарту Викстрёму. Только сначала самому посмотреть, что это за зверь – БДСМ. В общих чертах Вангер об этом слышал, но только в общих. А вот пусть Викстрём и объяснит, не лазить же самому по порно-сайтам с розысками! Ему вполне хватало трупов, чтобы изучать еще и самоистязательство.

Дагу Вангеру никогда не нравились извращения, в чем бы извращения ни проявлялись. Даже бабушки, у которых дома по двадцать две кошки – это извращение. Даг придерживался того убеждения, что человечество не зря выработало принципы нормального поведения и считало отклонения от них извращениями, особенно если эти принципы давнишние. Не могли ошибаться миллионы людей, полагавшие, что любить боль свою и чужую – это ненормально. И детей надо делать традиционным способом с женой в постели, а не из пробирки или под потолком.

К сожалению, сейчас много развелось тех, кто считает извращением нормальную жизнь.

На следующее утро пробежку я устроила в сторону Арки Боффиля, надо же посмотреть на место встречи. Погода хорошая, прохладно, изо рта пар, на ногах «Эйсикс-2100», не потому что я помешана на лейблах, а потому что гелевые амортизаторы и впрямь удобны, в ушах наушники плеера с хорошим ритмом, это помогает двигаться, не чувствуя усталости... Все, как всегда, ритмичный бег для здоровья. Побегала в Фатбушпаркене, убедилась, что вокруг вокзала Седре людей полно и в ранний час воскресенья, порадовалась за спокойствие своих обожаемых улочек и вернулась домой. Растяжка, душ, и я готова к собеседованию!

Так считала я, но не подруга.

Бритт выдумывала наряды для визита, складывая вещи в немыслимых сочетаниях. Вот от чего я категорически отказалась, чтобы чувствовать себя хорошо, я должна быть самой собой, а в одежде даже из последней прекрасной коллекции Бритт я таковой не буду, коллекция для девочки-подростка.

– Ну и что ты наденешь?

– Джинсы и свитер.

– Ты идешь к работодателю. Первое впечатление очень важно. У тебя просто не будет второй возможности произвести первое впечатление. – Бритт оседлала любимого конька – мое перевоспитание в лучших традициях американских журналов для женщин.

– Коко Шанель права по поводу первого впечатления, потому я и хочу, чтобы оно было верным. Куда хуже, если мне потом придется соответствовать тому, что для меня самой неприемлемо.

Подругу больше всего смутило мое знание слов великой Шанель.

– Ты знаешь это выражение?

– А она что, говорила по секрету для дизайнеров?

– Но ведь ты идешь на собеседование по поводу работы.

– Бритт, ты в Швеции, а не в Штатах. Здесь не обязательно выглядеть офисной красоткой, чтобы тебя приняли. Тем более, это журналистское расследование. Думаю, журналисту вообще лучше ничем не отличаться от окружающих.

Бритт махнула рукой:

– Уговорила. Но ты не можешь запретить мне испробовать свою вчерашнюю коллекцию.

Хотелось воскликнуть: «О нет!», но я боялась обидеть подругу, в конце концов, это ее право выглядеть непокорным подростком.

Позже я не раз думала, пошла бы на эту встречу, знай, что произойдет, ввязалась бы во все, хотя бы подозревая, в какой кошмар окунусь и сколько всего перенесу, побывав на грани жизни и смерти? И каждый раз отвечала: «Да!» Да, даже если пришлось бы пройти все снова, только ради одной-единственной встречи, я бы согласилась пройти.

Но тогда мысли были радужные, подпорченные лишь пониманием, что подруга после каникул может в Стокгольм и не вернуться. А какую опасность могла представлять предстоящая работа? Разве что испортить Рождество, но до него еще далеко...

Мы пришли вовремя, даже на пять минут раньше, но Курт уже ждал. Кивнув в сторону входа в дом, он почему-то вздохнул:

– Остальные уже там.

– Но мы не опоздали. Еще пять минут.

– Нет, – с новым вздохом подтвердил Курт. Откуда у него эта привычка вздыхать, раньше я такой не замечала, парень как парень. Э, да он, кажется, глазеет на Бритт! Тут вздыхай не вздыхай, ничего не обломится. Бритт восхищается Швецией, но жить явно предпочтет в Америке. А уж замуж выйдет непременно за американского миллионера, бедному шведскому студенту ждать от моей подруги нечего. А уж когда Курт услышит, что и Бритт улетает в Америку... От этой подсмотренной мелочи почему-то стало весело.

– Здесь офис?

– Вообще, это жилой дом, но есть и офисы на первом этаже. Пойдемте.

Если это и был офис, то им не так часто пользовались, а посетителей не бывало и подавно. Трудно определить, насколько он велик, потому что мы видели всего лишь одну комнату, в которой стояли четыре офисных стола в две линии лицом друг к другу, с двумя компьютерами, висела большая доска с магнитами, пустая, потому понять, чем занимаются те, кто включает компьютеры, невозможно, одна из дверей комнаты закрыта, вторая открыта. Рядом с открытой дверью огромное окно, но не на улицу, а в соседнее помещение, видимо, небольшой конференц-зал с овальным столом, аппаратурой и большим экраном. На столе тоже компьютеры.

Мне показалось, что мы всего лишь в просторной квартире, часть которой превращена в офис. Хотя какая разница?

Остальных, о ком говорил Курт, оказалось только двое – рослый парень, смущенно переминавшийся с ноги на ногу, и эффектная девушка, рядом с которой я сразу почувствовала себя бедной родственницей. Но это ничуть не смутило, пусть себе выделяется.

Девушка и Бритт внимательно оглядели друг дружку на предмет мнимого превосходства, каждая явно осталась убеждена в отсутствии вкуса у соперницы, хотя никакими соперницами они не были. Я вспомнила, что видела девушку в университете, она на курс старше. И парень тоже, кажется, он серьезно занимается компьютерами. Во всяком случае, Улофа наши просили разобраться, если возникали проблемы с компами. Улоф и компьютеры внешне не сочетались никак, парень похож на медведя, большого белого медведя. Его короткие словно выбеленные волосы воинственно торчали на загривке, большие плечи сильно ссутулились, а огромные руки, которые Улоф вечно не знал куда девать, если не порхали над клавиатурой, то висели вдоль туловища, повернутые ладонями назад.

Едва мы успели оглядеться, вошел мужчина средних лет и пригласил в конференц-зал. Стульев вокруг стола оказалось шесть, а вот компьютеров пять. Конечно, Бритт была лишней, но ее это ничуть не смутило, в результате без компьютера остался белый медведь. Мужчина с интересом наблюдал за нашим рассаживанием, но подруга вела себя так, словно она и была главной из приглашенных. Мне Бритт тихонько шепнула:

– Ерунда, ведут себя, словно дети. Совершенно безликий офис.

Офис и впрямь был безликим, но не безвкусным. Работать явно удобно.

– Анна Свенссон пригласила нас для выполнения журналистского расследования... – Не успели мы отреагировать на слова мужчины, как тот добавил, повернувшись к двери: – ...О котором она расскажет сама.

В комнату вошла женщина, при виде которой Бритт посмотрела на меня столь выразительно, что я поняла – оправдать свой сегодняшний затрапезный вид перед подругой мне не удастся до конца жизни.

Анна была именно такой красоткой, какой, по мнению Бритт, и должна быть настоящая бизнес-леди. Рослая, подтянутая, ухоженная, все при ней – ноги от ушей, а уши принадлежат гордо посаженной голове с правильными чертами лица, отменной кожей и волосок к волоску уложенной прической. Спокойный макияж, спокойные тона костюма, делового костюма, состоящего из узкой юбки, блузки и пиджака, что редкость в наше время. На руке часы, сами руки ухожены, маникюр неброский, но ногти определенно накладные.

Глаза у Анны Свенссон синие, но именно яркость цвета и незамутненность радужной оболочки сразу вызвала подозрение о линзах. В конце концов, это ее право.

– Здравствуйте. Как уже сказал Оле, я Анна Свенссон и намерена предложить вам работу на время каникул. Давайте сначала познакомимся. Это Оле Борг, он частный детектив и будет возглавлять вашу группу, если таковая состоится. Теперь вы.

– Курт Малунген. Студент.

– Вы?

– Марта Бергер, тоже студентка.

– Я знаю, что вы все студенты. Вы?

– Улоф Микаэльссон.

– Я Бритт Джонсон, тоже студентка, но не журналист.

Губы Анны чуть дрогнули в насмешливой улыбке:

– А кто?

– Я дизайнер. Сюда пришла с ней.

– Я Линн Линдберг.

Почему-то Анна задержала взгляд на нас с Бритт дольше остальных, словно что-то прикидывая. От этого стало чуть не по себе, но я постаралась выкинуть глупые мысли из головы. Может, она просто размышляет вдвоем с Бритт нас выставить или кого-то все же оставить?

– Хорошо. Группа поддержки тоже принимается. Пока вы не решили, будете у меня работать или нет, раскрывать всю информацию не могу, но постараюсь объяснить максимально подробно и ответить на все вопросы, которые возникнут.

Она подошла к большой доске и взяла в руки фломастер.

– Я новая владелица небольшого ежемесячного интернет-журнала, решившая его реорганизовать. Это не секрет, мне кажется, так работать будет удобней. Итак, журнал почти не имеет постоянных работников, зато у нас целых два офиса. Этот – один из них. Работу журнала я намерена построить по принципу постоянного координационного совета, который уже создан, Оле один из его членов, и нанимаемых для разовых расследований журналистов.

Анна нарисовала круг и отвела от него пять линий, на концах которых поставила свои кружочки. Один из них, видимо, изображал нашу группу. Пять линий превратились в двусторонние стрелки, означавшие взаимодействие.

– Журнал занимается и будет заниматься журналистскими расследованиями. В Швеции происходит немало преступлений, от которых полиция либо отмахивается, либо затягивает разбирательство на годы, либо относит к разряду не раскрываемых. Процент раскрываемости даже убийств невысок, а сколько информации пропадает втуне!.. Я не виню полицию, они не всегда могут пользоваться методами, доступными, например, журналистам. Не призываю нарушать закон или чьи-то права, но иногда мы можем узнать куда больше, чем инспектор розыскного отдела. Этим и предлагаю вам заняться.

Бритт, не удержавшись, шепнула:

– Ой, как интересно!

– Интересно? Наверное, но не скрою, может быть опасно. Мы постараемся обойтись без рисков, однако гарантировать вам полную безопасность я не могу.

Теперь усмехнулась уже Марта:

– Опасно даже переходить трамвайные пути.

– Конечно. Но здесь опасность иная. Журналистские расследования все чаще приводят к раскрытию таких преступлений, о которых полиция и не подозревала. Люди далеко не всё говорят полиции не потому что хотят скрыть, а потому что сами имеют какие-то тайны. Но сейчас речь не об этом.

– А другие группы чем занимаются, убийствами? – моя подруга никогда не стеснялась выяснять то, что ее интересовало. А интересовали Бритт маньяки и убийства на сексуальной почве, не фальшивомонетничеством же увлекаться!

– Наркотрафик, торговля людьми... Убийство только у нас.

Вот теперь я не сомневалась, что Бритт останется в этой группе, как же убийство и без нее?!

– Возможное убийство, – уточнил Оле.

– Почему именно мы? – в конце концов, почему бы и мне не задать интересующий вопрос?

Анна Свенссон чуть улыбнулась, вернулась к столу, обвела всех взглядом.

– Вы все здесь по рекомендации. Марту я знаю давно, она посоветовала Улофа и Курта, а Курт вас.

Теперь не выдержал уже Курт:

– Зачем тогда представляться?

– Это не для меня, это для вас. Позвольте, я продолжу. Если вы решите поработать, мы заключим с каждым договор на два месяца, оплата, как у журналиста среднего издания. Даже если расследование закончится раньше, оплата будет произведена полностью. Я не стану убеждать вас в важности определенной гражданской позиции и обязанности каждого, особенно журналистов, бороться с несправедливостью, но если вы решите работать, попрошу вместе с договором подписать обязательства о неразглашении. Это тоже важно не столько для меня,

сколько для вас. Тем, кто решит работать, возможно, придется столкнуться с преступниками, ошибка одного может дорого стоить остальным.

Бритт под столом сжала мою коленку. Я прекрасно понимала ее мысли: ловить преступников – это же мечта! Интересно, что она сделает теперь, не полетит в Калифорнию или вообще поступит на факультет журналистики?

Анна Свенссон продолжила:

– Прошу подумать, возможно, кому-то предложенное неинтересно, кто-то решит, что два месяца слишком большой срок, кто-то не захочет рисковать. Я не буду выяснять причины отказа, просто встаньте и выйдите. Но если вы решите работать, то должны помимо сохранения тайны выполнять все распоряжения мои или Оле Борга. Это не каприз начальства, а жестокая необходимость, группа должна работать слаженно, чтобы не только действовать в одном ключе, но и не мешать друг другу. Перед вами образец договора, прочтите, чтобы понимать, что от вас требуется. Повторяю, кому неинтересно, либо что-то мешает, могут нас покинуть.

Анна отвернулась к Оле, словно обсуждая с ним что-то, но сам Оле осторожно косил на нас взглядом. Маскировочка! Как дети.

Договор типовой, не вызывающий никаких вопросов, отличало его от обычного только обязательство о неразглашении полученной информации, кроме как по требованию официальных лиц. Имелась в виду явно полиция.

– Ну, что, уходим?

Реакция Бритт на мой вопрос была вполне предсказуемой:

– С ума сошла?! – Она шипела, как гусак.

А я думала о том, что, подписав договор, Бритт два месяца никуда не уедет, а там и вовсе передумает возвращаться в свою солнечную Калифорнию. Уже ради одного этого стоило согласиться работать на Анну Свенссон.

Никто не тронулся с места, похоже, принять предложение решили все.

Анна внимательно оглядела нас, включая Бритт. Под ее взглядом я почувствовала себя школьницей, сдающей контрольную работу строгому учителю. Появилось желание встать и отрапортовать, что Линн Линдберг к выполнению задания готова. Кажется, у остальных тоже.

– Все остаются? Тогда продолжим. Вы будете работать вместе и врозь. Каждый получит собственное задание и будет его выполнять, уже к завтрашнему дню я продумаю, кто из вас чем займется и каждому сообщу отдельно. Вместе будем собираться раз в неделю, если не появится необходимость делать это чаще. Вызов по телефону, все вопросы к Оле или ко мне. Ваш наставник Оле, он опытный детектив, раньше служивший в полиции, а теперь занимающийся частным сыском. Он прекрасно знает границы, которые вам переходить законом не позволительно, если придется делать что-то сомнительное, лучше посоветоваться с ним. К тому же у Оле есть права, которых нет у вас, и возможности тоже. Зато у него нет вашей коммунибельности, молодости и вообще, пять пар глаз всегда лучше, чем одна.

Я почему-то подумала, включила ли она в эти пять пар глаза Бритт.

– Заполните анкеты и оставьте свои электронные адреса и номера телефонов. В анкетах нет ничего провокационного или того, что может вас обеспокоить. Если какой-то вопрос все же смутит, можете не отвечать. Ваши номера такие же, как вы сидите, то есть Курт первый.

– А у меня четвертый или пятый номер?

– Ваша подруга тоже получила анкету, следовательно, пятый. Это мой телефон, а это Оле.

В анкетах были простые вопросы, но составленные так хитро, что легко рассказывали об авторе многое. Например, любимое кафе. Мы с Бритт переглянулись и написали «Рокси» и «Гилдас-Рум». Ничего особенного, да, там собираются преимущественно девушки, но не только.

Сидящий напротив Курт откровенно пытался прочесть мою анкету. Я заметила, как парень поскущел, увидев «Рокси». Неожиданно на наше переглядывание отреагировала Анна, она рассмеялась:

– Эй, не подглядывать! Как дети на контрольной по математике. Только к своим задачам не стоит писать чужие ответы.

Собрав анкеты, Анна отдала их Оле и снова повернулась к нам:

– Договора вы возьмете здесь, – она положила руку на стопку папок, – еще раз внимательно прочтете и принесете на следующую встречу. А теперь о первом деле. Несколько дней назад нашли повесившейся некую девушку двадцати пяти лет. Полиция списала все на несчастный случай, хотя и довольно нелепый. Погибшая увлекалась БДСМ-связыванием, жила одна, связавшись, не сумела выпутаться и просто задохнулась в веревках.

При этих ее словах Оле включил проектор, и на экране появилось изображение подвешенной в немыслимой позе девушки с выпученными глазами и вывалившимся языком. Я быстро отвернулась. Из меня никогда бы не вышел патологоанатом, не могу видеть мертвецов вообще, а уж вот таких тем более. Только успела заметить, что девушка вся связана-перевязана веревками и подвешена к крюку светильника под потолком.

– Кошмар!

Анна сверкнула глазами на Марту, высказавшую свое отношение, и продолжила:

– Нелепая и очень тяжелая смерть, повешение всегда считалось самым мучительным способом казни. Самосвязывание в БДСМ-практике довольно популярно у тех, кто не имеет постоянных партнеров или недостаточно ими удовлетворен. Это опасно, риск много выше, чем при остальных техниках связывания, потому что на помощь никто не придет. Но суть не в этом.

Она вернулась к столу, встала, снова нас оглядела.

– При связывании применена техника, которой владеют немногие и едва ли владела сама погибшая. В БДСМ-сообществе появились сомнения в возможности такого самосвязывания и подозрения, что девушке помогли, оставив умирать.

– Кто?

– Вот это мы и должны выяснить. Хотелось бы.

– Как можно саму себя подвесить? Связать – это я еще понимаю, а подвесить? – Улоф пожал плечами. Он прав, я тоже этого не понимала.

Ответил Оле:

– Если бы вы пригляделись, то поняли схему. Ее ошибка в том, что, качнувшись, девушка уже не вернулась в исходное положение и не смогла дотянуться связанными руками до отцепки, чтобы освободить себя.

– Что такое отцепка?

– С девайсами БДСМ познакомитесь в специальных материалах, которые мы вам дадим, да и в Интернете всякой всячины немало. Но могу сказать коротко: отцепка – это система для быстрого освобождения нижнего в случае опасности.

– Откуда у вас информация?

Анна строго посмотрела на Улофа, задавшего вопрос.

– Позвольте мне не раскрывать своих источников. Я буду сообщать вам то, что смогу, но никогда не буду выдавать собственных информаторов. Так и вам, и мне легче. Поверьте, информация достоверна и проверена. Ваша задача за предстоящий месяц, а желательно чуть раньше, чтобы не портить читателям настроение перед Рождеством, расследовать это дело, используя те сведения, что получите от меня, и собственные умения, разузнать все, что только возможно, заметить, что не заметила полиция и провести анализ полученных данных. Если тот, кого мы подозреваем, виновен, наше дело предложить полиции материалы расследования, чтобы они были переданы в суд.

– А если не виновен?

Теперь Анна внимательно смотрела уже на меня, но я не опустила глаза. Человек может действительно не быть виновным – тогда как – все расследование зря?

– Тогда мы, не называя имен, публикуем все, что смогли выяснить, и читатели получают нечто вроде детективного романа. Напишите роман.

Леннарт Викстрём в восторг от звонка Дага не пришел, скорее напротив.

– Ну?

– Мне нужна ваша консультация.

– Нашли у кого спрашивать.

– Вы занимаетесь БДСМ?

– Это называется быть в Теме. Да, я в Теме. Но я не знаком с Кайсой.

Вангер обратил внимание на то, что парень назвал погибшую по имени.

– Мы могли бы встретиться? Мне нужны не столько сведения о погибшей девушке, сколько консультация опытного БДСМщика.

– Господи, назвали-то как! Ладно, но у меня мало времени.

– У меня тоже. Завтра у вас оно найдется?

– В пять. В другое время не смогу.

– Надеюсь, не утра? Где с вами лучше встретиться?

Викстрём хмыкнул, потом снова скомандовал:

– В «Шупошёфарде», идет?

– Где?

– Это бар. Не знаете такой?

Хотелось спросить, почему он должен знать все бары Стокгольма, но Даг дал себе слово не злиться.

– Нет.

– Седьмой этаж на крыше отеля «Шофард» на Катаринаваген. Скромно, зато вид потрясающий. Стоит побывать. Я буду ждать вас в холле отеля.

Вангер никогда не бывал в этом отеле, потому задал еще один вопрос:

– Как я вас там найду?

– Там небольшой холл и искать не придется. Завтра в пять. Все, меня ждут!

Черт бы побрал этих извращенцев! Нет, конечно, каждый имеет право сходить с ума по-своему, и если кому-то нравится задыхаться в веревках, не нужно мешать, только стоило бы оставить записку о своих намерениях с просьбой никого не винить в глупости, чтобы не морочить головы нормальным людям.

Распрощавшись со всеми, включая Курта, который все же попытался поплакать у меня на груди по поводу предательства Эрики, мы с Бритт отправились в «Гилдас Рум». Можно бы и домой, но, чтобы отвязаться от Курта, пришлось сказать, что у нас встреча в этом кафе. Такие, как Курт, в девичье «Гилдас Рум» не ходят, боясь насмешек. Его наверняка и в «Рокси» не затащишь.

Бритт не упустила возможности посмеяться над парнем, подмигнув:

– А ты небось прямиком в «Торьет»?

По тому, как покраснел Курт, мы поняли, что он там если и не бывал, то уж о репутации ресторана, как любимого места геев, знает точно. Ехидная Бритт притворно вздохнула:

– Что ж, каждому свое...

Чтобы не нарваться еще на какое-нибудь замечание, Курт поспешил распрощаться.

– Теперь он точно решит, что мы лесби.

– Зато перестанет плакать тебе в жилетку из-за измен своей девушки.

– Или наоборот, усилит старания в попытках разобраться с женской точки зрения, почему Эрика предпочла ему поездку с родителями. Как объяснить Курту, что у Эрики может найтись кое-кто получше?

– А ну его!

Мы долго сидели в кафе, обмениваясь впечатлениями и измышлениями. Бритт волновал вопрос:

– Зачем ей все это? Не верю, чтобы можно было так хорошо заработать на сенсации, выложенной в интернет-журнале. Даже если это так, все равно, слишком много затрат на одно расследование.

– Может, Анне платит еще кто-то?

– Кто?

– Например, родственники погибшей девушки.

Мы принялись фантазировать на эту тему.

– Может, родственники состоятельны и их не устраивает работа полиции?

– Кого она в наше время устраивает? Только криминал, который она не трогает.

– А зачем тогда публикации?

– Знаешь, бывает, что вину человека доказать так и не удастся, есть такие осторожные маньяки, но уже то, что его подозревают, поможет избежать следующих жертв.

Как бы я ни морщилась от пристрастия Бритт к теме маньяков, резон в ее словах был. Даже не сумев доказать или просто обнаружить вину убившего девушку человека (стоило бы задаться вопросом, существует ли убийца?), можно вынудить его притихнуть во избежание разоблачения.

– Да, а еще лучше пойти и сдаться полиции!

– Ну уж это, Бритт, едва ли.

– А что, бывает и такое. Муки совести, кстати, одни из самых жестоких.

Не знаю, до чего бы мы еще дофантазировались, но на мой телефон вдруг поступил звонок от Анны.

– Линн, я посмотрела ваши данные и хотела бы поговорить. Я уже знаю, что именно поручить вам. Вы не передумали?

– Нет. Я готова встретиться.

– Приходите.

– Прямо сейчас?

Что у нее за спешка?

– Вы ведь живете на Сёдермальме? За вами прислать машину? Где вы?

– Не нужно машину, мы на Нютюрет в «Гилдас Рум».

Анна тихонько рассмеялась в ответ.

– Если не слишком заняты, подходите по прежнему адресу, я покажу кое-какие материалы и все объясню. Понимаете, каждый день на счету...

– Но я не одна...

– Приходите с Бритт.

Я терпеть не могу, когда диктуют, что мне делать. Если попросить, сделаю, что угодно, даже то, чего не могу терпеть (в разумных пределах), но командовать мной нельзя. Любые распоряжения командным тоном вызывают протестную реакцию и жгучее желание сделать наоборот даже в ущерб себе.

И сейчас такое желание было, но вопреки собственной натуре я почему-то согласилась. Что-то в голосе и самом существовании этой Анны Свенссон заставляло поступать именно так, как она требовала.

Нет, Анна не требовала, она просила, но просьба бульдога не делать ни шагу вперед на его территорию или убраться восвояси обычно не обсуждается, а выполняется. Или просьба удава,

обращенная к кролику, зовущая его прямо в пасть. Однажды я видела такие кадры: воробей, отчаянно пища, скакал прямо к удаву. Сейчас я совершала нечто похожее.

Анна ждала нас и на вызов домофона дверь открыла сразу.

– Прошу. Давайте перейдем на «ты», так удобней работать. Если вы обе не против.

– Нет-нет, – почему-то бодро заявили мы в один голос, хотя я не очень представляла, как буду тыкать Анне, годившейся нам почти в матери. Может, потом, когда-нибудь...

Она показала на стулья за столом уже в первой комнате, сама села напротив и вдруг сняла туфли, вытянув ноги на соседний стул:

– Прошу извинить, но целый день на каблуках тяжело. Это не для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.